

Шан И заметил, что Хэ И молчит, и решил, что тот хочет его прогнать. В груди мгновенно вспыхнула ярость: он так относился к Хэ И, а тот...

При этой мысли Шан И протянул руку, коснулся лица Хэ И и, не теряя времени, впился в его губы. Язык бесцеремонно вторгся в рот, а рука скользнула под драконье одеяние.

— Мгх... Шан И! — Хэ И был ошеломлен внезапным напором. Черт возьми, что за приступы страсти среди бела дня!

Взгляд Шан И слегка подернулся красной пеленой. Даже когда Хэ И попытался его оттолкнуть, он лишь крепче прижался к нему, уткнувшись лицом в шею. Его руки напряглись, словно он пытался удержать что-то жизненно важное.

— Я хочу тебя, — прямо сказал Шан И. Хэ И отчетливо почувствовал, как нечто горячее упирается в него.

— Нет, сейчас нельзя. Скоро придут сановники с докладом, такими вещами можно заниматься только ночью!

Отказ стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Шан И. Он повалил Хэ И прямо на трон и принялся рвать на нем одежду.

— Да твою же мать, Шан! Прекрати! — взревел Хэ И и с размаху ударил его локтем.

Шан И сорвал с Хэ И пояс, привязал его руки к подлокотникам трона, а затем склонился к его губам. Вскоре вся одежда была сброшена, и, едва смазав вход, он не удержался и вошел в него.

От боли у Хэ И на глаза навернулись слезы. В отместку он впился зубами в губу Шан И, пока во рту не появился привкус крови, отчего на мгновение потерял связь с реальностью.

Движения Шан И были стремительными, но не грубыми — он все же берег Хэ И, не решаясь на полную жестокость. Как только Хэ И привык и даже начал что-то чувствовать, снаружи раздался голос евнуха:

— Докладываю Вашему Величеству, премьер-министр, глава министерства и другие сановники просят аудиенции!

— Бах!

Шан И схватил со стола чернильницу и швырнул ее в сторону двери, прорывав:

— Пошли вон! Без моего приказа не смей входить!

Евнух вздрогнул от страха и поспешно удалился. Тем временем Хэ И уже не сдержался и обвил ногами поясницу Шан И.

После бурной страсти Хэ И без сил лежал на троне. Одежда давно превратилась в лохмотья, а руки все еще оставались привязанными.

Шан И поспешно развязал узлы. Увидев на запястьях красные следы, он не удержался и принялся их целовать. На душе было одновременно и удовлетворение, и горечь, поэтому он просто крепко обнял Хэ И, не желая ни о чем думать и ничего делать.

Одного этого момента Шан И было достаточно, а Хэ И, казалось, был настолько измотан, что не имел сил даже говорить.

Спустя долгое время, когда к нему вернулись силы, первым делом Хэ И впился зубами в плечо Шан И. Он отпустил его только тогда, когда почувствовал вкус крови, и мягко облизал рану.

Шан И не понял, что это значит, и осторожно спросил:

— Хэ И?

— В следующий раз попробуй, черт возьми, воспользоваться смазкой! — выругался Хэ И. Ни подготовки, ни прелюдии! Попробуй сам, если такой смелый!

— Ты не злишься? — Шан И ожидал гнева, криков, или что его отхлещут кнутом. Он уже приготовился к худшему, но никак не ожидал таких слов.

— Ты чего вообще добиваешься? — Хэ И потер ноющую поясницу. Вспомнив, как последние несколько ночей просыпался и видел, что Шан И стоит у кровати и смотрит на него с таким обожанием... — Ты что, решил, что раз я стал императором, то сразу тебя вышвырну?

Руки Шан И невольно сжались.

— Из-за этого? — Хэ И был одновременно взбешен и удивлен. Шан И был настоящим богом войны на поле боя, но в таких вещах... Хэ И в отчаянии приложил руку ко лбу: — Я просто думал, что если тебе придется вернуться на Северо-Запад, я поеду с тобой. А лучше — не возвращайся, оставайся в Столице, выбери верного человека, повысь его до генерала и отправь туда.

Глаза Шан И внезапно загорелись.

— Если бы я хотел тебя выгнать, давно бы это сделал, — Хэ И приподнял бровь. — К тому же, вся армия в твоих руках, они знают тебя, а не императорский указ. Если я попробую тебя выгнать, ты просто устроишь очередной мятеж.

Шан И пристально посмотрел на него и не удержался, поцеловав Хэ И в глаза:

— Я никогда тебя не предам.

Если что, сначала убью тебя, а потом покончу с собой. Таковы были истинные мысли Шан И. Он поцеловал прядь волос у виска Хэ И.

— Я давно тебя люблю, — прошептал он на ухо.

Хэ И помолчал, а затем ответил:

— Я знаю.

— Ты не понимаешь, Шан И давно любит Хэ И, — упрямо повторил тот. — А ты меня любишь?

— Люблю, люблю, очень люблю, может, теперь успокоишься? — Хэ И раздраженно пнул ногой снова ставшее горячим место. У него что, период спаривания?!

Шан И тихо рассмеялся и снова накрыл губы Хэ И своими.

На следующий день началась церемония коронации. Хэ И тер ноющую поясницу и с недовольством поглядывал на Шан И, а тот отвечал ему удовлетворенным взглядом.

К счастью, Шан И отдал распоряжение, и все формальности уложились в час. Дальше следовали награждения и назначения — к счастью, все это было просто, и от имени Шан И проходило без проблем.

Когда с делами было покончено, ему донесли секретное известие. Хэ И держал бывшего императора под домашним арестом, а заодно туда же отправил главных героев. В итоге те устроили переполох и, сами не зная как, убили прежнего правителя.

Это случилось три дня назад, но Шан И скрывал это, чтобы не отвлекать Хэ И от коронации. Поразмыслив, Хэ И поручил разобраться с этим Шан И. Раз уж тот решился скрыть новость, значит, у него уже был план.

И действительно, Шан И не стал ничего скрывать и просто сделал это достоянием общественности. Все было исполнено строго по закону, и Хэ И в суде произнес лишь одну фразу: Сын Неба совершает преступление — он равен простому народу перед законом.

Это решение вызвало волну одобрения и принесло ему народную любовь.

Когда Шан И в следующий раз остался во дворце, Хэ И не выдержал и спросил:

— Это ты подстроил?

Взгляд Шан И дрогнул, он промолчал, лишь той ночью был особенно настойчив.

Когда Хэ И, выбившись из сил, крепко уснул, Шан И поцеловал его в волосы и прошептал:

— Не бойся, я не позволю никому угрожать твоему положению.

Втайне от Хэ И он использовал все свои связи и методы. Не только очистил двор от неугодных, но и по всей стране от имени Хэ И совершил множество добрых дел. Чтобы удержать трон, народное доверие было важнее всего, и незаметно для всех популярность Хэ И достигла небывалых высот.

Хэ И не то чтобы не замечал действий Шан И, но ему приходилось подкидывать тому работу, иначе, если Шан И заскучает, он сам покоя не знал. Так думал Хэ И, лежа на кровати и потирая поясницу.

На третий год правления один из министров решился подать прошение: мол, у государства нет наследника, корни некрепки, и просил Хэ И пополнить гарем, чтобы оставить хоть какое-то потомство.

Хэ И бросил прошение Шан И со словами:

— Как думаешь, может, мне и правда выбрать пару красавиц, а?

Шан И разорвал бумагу в клочья, навис над Хэ И и твердо отрезал:

— Не позволю.

— Тогда род прервется, — усмехнулся Хэ И.

Шан И поднял голову и посмотрел на него, глаза слегка покраснели, лицо оставалось бесстрастным. Хэ И поспешно поцеловал его в уголок губ:

— Мне нужен только ты. Завтра я прикажу им выкинуть эти мысли из головы.

Напряжение Шан И немного спало. Он опустил голову, его дыхание коснулось ключиц Хэ И, и, вдыхая его неповторимый аромат, он наконец успокоился.

— Я люблю тебя, в этой жизни и во всех последующих.

Хэ И что-то вспомнил, взгляд его потеплел, он обвил ногами поясницу Шан И и кратко ответил:

— Хочу.

На следующий день Хэ И устроил в суде скандал, запретив кому-либо подавать подобные прошения. Однако дворцовые интриги были как сорняки: одни выжжешь, другие прорастают. Вскоре снова пошли доклады о том, что отношения императора и Шан И слишком близкие, и все в таком духе — не хватало только надписи: от однополый любви добра не жди!

Хэ И был в отчаянии. В этот раз он побоялся показывать прошение Шан И, но тот все равно узнал. Положение Шан И в Столице было щекотливым: формально он был вторым человеком, но фактически — первым.

Как раз приближался праздник Двойной Девятки, и Шан И устроил фестиваль хризантем. Хэ И, разумеется, присутствовал, а внизу сидели чиновники, делая вид, что заняты делом. Хэ И знал, что задумал Шан И, и мог лишь, держась за ноющую поясницу, молча смотреть на хризантему перед собой.

Когда пришел Шан И, он сел прямо рядом с Хэ И и во время беседы вел себя подчеркнуто близко.

Наконец, когда Шан И в третий раз вытер с уголка губ Хэ И пятнышко вина, один из старых чиновников, не выдержав взглядов окружающих, выступил вперед:

— Генерал Шан, вы ведете себя неподобающе в присутствии Вашего Величества.

Шан И взглянул на него и спросил в ответ:

— Раз Его Величество молчит, не значит ли это, что неподобающе ведете себя вы?

Атмосфера стала неловкой. Хэ И кашлянул и медленно произнес:

— Мы с министром старые друзья, поэтому Мы освободили его от соблюдения формальностей.

Чиновники переглянулись и уставились на Хэ И.

Хэ И дернул щекой. *Не смотрите на Меня! Разве Я сам хотел быть марионеточным императором?!*

Если быть марионеткой, то и императором быть нет смысла, поэтому недавно он намекнул Шан И, что хочет власти, а не чтобы весь двор был в руках генерала. Шан И тогда разволновался, схватил его за руки и спросил:

— Ты считаешь, что мои заслуги затмевают твой престол? Хочешь убрать меня, чтобы единолично править? Тебе я надоел?!

Хэ И наконец понял, какая параноидальная, упрямая и чертовски собственническая натура скрывается за бесстрастным лицом. Подумав, он вздохнул и оставил все как есть — в конце концов, он не сомневался, что Шан И способен на безумства.

Выдохнув, Хэ И снова посмотрел на Шан И. Тот обернулся, взгляд его стал мягче:

— Что до наших отношений с Его Величеством, господа, не утруждайте себя. Если вы уже в почтенном возрасте, лучше готовьтесь к уходу на покой.

Сказав это, Шан И поправил прядь волос, упавшую Хэ И на лицо. Хэ И прищурился, на его лице не было ни радости, ни гнева.

Чиновники переглянулись и дружно закрыли рты. Двор уже был однажды очищен Шан И, остались лишь те, кто умел оценивать ситуацию. Но они были гражданскими чиновниками, и раз в стране царил мир, им ничего не оставалось, как цепляться к императору.

Глядя на их лица, Хэ И невольно усмехнулся. После этого праздника двор стал гораздо тише, а несколько стариков сами подали в отставку, на что Хэ И с готовностью поставил резолюцию: «Одобряю».

Спустя много лет Хэ И почувствовал, что жизнь этого тела подходит к концу. Единственным, с кем ему было тяжело расставаться, был Шан И. Встретит ли он его в следующем мире? Действительно ли тот будет сопровождать его вечно?

Хэ И не знал, но очень хотел узнать.

Когда он снова поймал Систему, то обнаружил, что она словно хотела остаться, и захватил множество светящихся, похожих на звездную пыль частиц. Хэ И сохранил их, тихо ожидая

следующего перемещения.

[Динь! Соответствующие данные загружены.]

[Динь! Система неисправна.]

Как только звук стих, Хэ И почувствовал острую, жгучую боль во всем теле, особенно в районе сердца. Оно было пустым, словно его безжалостно вырвали, оставив лишь оболочку.

Хэ И резко открыл глаза. Он падал в бесконечной тьме. За спиной он чувствовал, как что-то капает, и, протянув руку, коснулся перьев.

Ангел?

Данные в голове кружились, вызывая головокружение. В этот раз он снова был в плачевной ситуации. Это был мир западного фэнтези, а он — Ангел Власти, невысокого ранга, но в Раю чувствовал себя сносно. Однако он был одержим Люцифером, его ярим фанатом. Когда Люцифер пал и стал Люцифером, оригинал хотел последовать за ним, но почему-то не смог и остался в Раю.

Хотя он остался, его сердце было в Аду. Падшие ангелы постоянно провоцировали Рай, и он стал врагом для многих. Его положение стало шатким: если стремишься в Ад, так падай, а раз остался — значит, шпион. Многие ангелы избегали его.

Оригинал был глуп и не скрывал своего обожания. В конце концов, во время молитвы он признался Отцу-Богу в любви к Люциферу, и Ангел Суда избил его и сбросил в Ад.

Хэ И оказался там как раз в момент падения.

Конечно, в этом мире были главные герои — Люцифер, в которого был влюблен оригинал, и... Михаил. Да, два мужчины, символы Рая и Ада, прошедшие через войны, так и не смогли расстаться и в итоге тайно сошлись. А оригинал? Он был лишь пушечным мясом, который даже после падения не смог стать падшим ангелом. Отношение к ангелу в Аду было понятно, и вскоре оригинал покончил с собой, предварительно вырвав собственные крылья — не желая быть ангелом, если не может стать падшим.

Изучив данные, Хэ И был в шоке. Он хотел избавиться от Системы, потому что та постоянно давала ему нелепые личности и заставляла совершать идиотские поступки.

К счастью, теперь ему не нужно было следовать указаниям Системы или сюжету.

Хэ И посмотрел вниз — дна не было видно. Он попытался пошевелить крыльями: одно

поднялось, другое не чувствовалось, из-за чего он не мог держать равновесие.

Проблема, но в Ад он не хотел.

Собрав остатки ментальной энергии, он изменил структуру тела и, почувствовав, что крылья слушаются, резко взмахнул ими.

— Плюх! — Хэ И потерял равновесие и накренился. Он никогда не летал, ангелы — это, если мягко сказать, «пернатые», а если грубо — «люди-птицы». Пока ты не достиг уровня среднего или высшего ангела, у тебя нет никаких прав.

Он снова взмахнул крыльями, стало еще хуже. Тело переворачивалось, и Хэ И решил оставить попытки и просто падать.

В этот момент из тьмы внизу донесся порыв ветра.

— Шурх! — послышался звук, и он увидел фигуру, летящую к нему. Черные волосы, черные глаза, шесть черных крыльев за спиной. Красота этого лица могла лишить дыхания, но взгляд был ледяным.

Хэ И не мог отвести глаз. *Это ты?..*

Ангел летел к нему, и когда они почти поравнялись, Хэ И тихо спросил:

— Это ты?

Ангел, не отвечая, пролетел мимо и устремился вверх. Хэ И обернулся, глядя на его спину, продолжая падать.

Падший ангел случайно оглянулся. Он направлялся в Рай и не собирался обращать внимание на упавшего ангелочка. Но, обернувшись, он заметил, что глаза этого ангела необычайно красивы, хотя в них не было ни искры жизни, будто их занавесили черной вуалью. Он смотрел на него равнодушно и холодно.

Падший ангел подумал, развернулся и полетел к Хэ И. И правда, в глазах ангелочка мелькнул свет.

Нашел что-то забавное, — подумал он, подхватил Хэ И на руки и полетел в самую глубину Ада.

Хэ И, находясь в объятиях падшего, смотрел на его прекрасное лицо. Если бы волосы были

золотыми, а глаза — синими, как бы он сиял. Хэ И вдруг вспомнил кое-кого, образ которого полностью совпал с воспоминаниями оригинала.

— Люцифер? — осторожно спросил Хэ И.

— М? — Люцифер опустил взгляд, и на его лице словно читалось: *Чего тебе?*

Хэ И покачал головой, подавляя остатки одержимости оригинала, и тихо затих в его объятиях.

<http://bllate.org/book/21671/2235825>